

Надежда Базарова

**День бомжа.
Взять в кавычки**

рассказы

**ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ
ФРАГМЕНТ**

Скифия
Санкт-Петербург
2011

УДК 82-31
ББК 84 (2 Рос = Рус) 6

Надежда Базарова
День бомжа. Взять в кавычки
рассказы

Базарова Н.

Б17 День Бомжа. Взять в кавычки.— СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2011.— 264 с.

Творчество петербургской писательницы Надежды Базаровой представлено в этой книге увлекательными историями с легким акцентом криминального жанра и интригующим сюжетом.

УДК 82.31
ББК 84 (2 Рос = Рус) 6

ISBN 978-5-903463-50-3

© Базарова Н, 2011
© ИТД «Скифия», 2011

Текст печатается в авторской редакции.
Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

РОБЕРТ

Светлым весенним вечером по задворкам большого города плавно пробирался белоснежный лимузин роллс-ройс. За ним по пятам, выюном крутилась безродная рыжая собака и, неуверенно, с передышками, лаяла. Так, путаясь в лабиринте улиц, они свернули на самую последнюю, ломаную, неказистую улицу, засиженную важными ленивыми воронами.

Роллс-ройс, стреляя бликами по окнам, подтянулся к обшарпанной пятиэтажке, нежно присел и остановился.

Из него выскочил шустрый молодой человек в узком черном костюме и рысцой побежал в конец машины. Открывая последнюю дверцу, он склонился в почтительном поклоне и, улыбаясь во весь рот, выпустил из лимузина мужчину, — импозантного красавца с пышной волнистой шевелюрой седоватых волос и смешливым прищуром добрых серых глаз.

Не вынимая изо рта жирную сигару, мужчина, распахнул длинное, до пят, пальто, сунул руки в карманы брюк и, покачиваясь с носков на пятки, оценивающим взглядом окинул пятиэтажку.

Потом, словно вспомнив про молодого человека, оглянулся, одобрительно похлопал его по спине и барской походкой направился к подъезду.

Лимузин, с хрустом дробя нарастающий ледок, неуклюже попятился, с горем пополам выкарабкался на проезжую часть и стремительно помчался в свой фешенебельный мир, оставив убогое захолустье растерянной рыжей собаке.

Мужчина, между тем, поднялся на четвертый этаж и, собираясь позвонить, призадумался на секунду, не зная, как ему лучше поступить с сигарой.

Но тут дверь сама распахнулась и, заливаясь смехом, к нему на шею порхнула девушка, похожая на сказочную златовласку.

Он швырнул сигару на лестницу, сжал ее в объятиях и, осыпая поцелуями, внес в комнату.

— Вот он, я, весь тут и весь твой, — взволнованно прошептал он, не разжимая объятий.

— Что это было? — перехлестывая, от счастья, вдох выдохом, кивнула на окно девушка.

— Как что? Принц на белом коне. Конь ускакал, а принц остался. Навсегда, Аленький. Пойдет без коня?

— Пойдет, пойдет.... Какой ты у меня! Надо же, придумать....

Щеки ее были жаркие, влажные и у него не было сил оторваться от нее, так она была хороша и любима им. В счастливом дурмане, он поставил ее перед собой и, сбросив пальто на пол, достал из кармана брюк изящную коробочку: — Дай ручку, Аленький.

Девушка перевела дыхание и послушно протянула руку.

Он перебрал Алины пальчики, выбрал себе безымянный и украсил его великолепным перстнем с крупным бриллиантом.

Девушка растерянно ахнула, опустила на диван и, не сводя глаз с вытянутой руки, прошептала:

— С ума сошел...зачем...навверное, дорого...

— Ах, так? — рассмеялся он и, с размаху плюнулся рядом с ней, — Зачем? И ты могла бы с ним расстаться?

Он взял ее ладонь, положил на свою, и они, сомкнувшись лбами, в молчаливом благоговении склонились над перстнем.

Бриллиант, на ее подрагивающей руке, весело щекотал им глаза внезапными вспышками салюта, с услужливым рвением добывая, из бездонных глубин, все немислимые соцветия радуги, словно демонстрируя этот калейдоскоп своей молодой хозяйке.

Аля сравнила свою украшенную руку с, какими-то деньгами, всего-то навсего, и весело выдохнула:

— Ни в «жисть»!

— Моя женщина, — сжав ее в объятиях, восторженно воскликнул мужчина, — Моя!

Аля была красавица, — точеная фигурка, голубые глаза, поражавшие своей чистотой и наивностью, волосы, выющиеся, пышные, цвета соломы, белая тонкая кожа, благодаря которой в свои двадцать два года, она казалась юной феей, и, единственное, что нарушало гармонию, — это голос, неожиданно низкий и уверенный для такого небесного создания.

Но это лишь усиливало любопытство.

Влюблен в нее был весь курс, — она училась в университете, собиралась стать психологом, но все стадии влюбленности успела пройти еще в школе, где по ней, поэтапно, сходила с ума, вся мужская половина.

С Робертом, таким редким именем звали мужчину, они познакомились в поезде. Это случилось, когда он возвращался из отпуска, а она с экскурсии по Прибалтике.

Они ехали в одном вагоне, в разных купе, и столкнулись в тамбуре, выходя на какой-то остановке подышать воздухом. В тот момент воздухом для

Роберта стала она, сначала он не мог надышаться, так и заглатывал огромные порции в легкие, а они никак не доходили до сердца, и только потом и, только рядом с ней, дыхание не было поверхностным, сердце стучало как кувалда и насыщало кровь кислородом.

И он понял, — теперь, только так он сможет жить.

Они провели вместе всего один день, она жила в Петербурге, а у него была там пересадка, но он все равно бы сошел за ней, потому что боялся остаться без кислорода.

Ему было тридцать шесть лет, он никогда не был женат, ходил штурманом в море и, как-то так сложилось, что между рейсами не строилась семейная жизнь, а потом он привык, усматривая в этом некий комфорт для себя.

Возвращаться всегда в тот порядок, который оставил до рейса, где никто ничего не меняет, а главное — никто не меняет планы, это уже не просто комфорт, это почти счастье.

— Люблю уют, то есть без женщин и детей, — обычно отшучивался он, и это был ответ всем радующим сватам и свхам.

Подруг у него было много, он никогда не называл их любовницами, только любимыми женщинами, осыпал цветами и подарками и был совершенно спокоен.

Встреча с Алей изменила, перетрясла, закрутила его так, как будто он попал в эпицентр торнадо.

Правильно он все делает или нет, он не думал.

Он думал только, что делать надо быстро. Позарез нужен был еще один рейс. Чтобы свадьба была, какая надо, и медовый месяц — медовым.

Все это они обоюдно решили в тот первый день, в Питере.

Он безумствовал от любви, а она была сражена этой мощью и тоже влюбилась.

И вот, за две недели до рейса, он, вложив почти все свои сбережения в самый дорогой алмаз, прилетел к ней.

На следующий же день, они пошли в ЗАГС и подали заявление. С отсрочкой на шесть месяцев. Таким долгим планировался этот рейс.

Вихрем пролетели две недели, в любви, поцелуях, бесконечных признаниях и клятвах и, когда остались последние два дня до расставания, Роберт, наконец-то, созвонился со своей дальней родственницей, которую каждый день собирался навестить, но, просыпаясь, видел Алю и уже не мог с ней расстаться, даже на несколько часов.

— Пойдем вместе, — прихорашиваясь у зеркала, решительно скомандовал он, но она, беспрекословно потакая ему во всем, на этот раз отрицательно покачала головой:

— Прости, милый, не все сразу, — и, чтобы не показаться равнодушной, поинтересовалась все же, кем он там приходится.

— Единственным наследником, — загадочно улыбнулся Роберт.

— Ага, хитрюга, — погрозила пальцем Аля, — значит, есть запасной аэродром. А, кстати, чего это ты так расфуфырился?

— Перестань, это моя любимая старушка, по какой-то седьмой воде, тетушка. Почти настоящая сказочная фея. Сейчас, таких уже не делают. Вот сама бы убедилась. И потом, смотрины, надо

провести или нет? В конце-то концов, а, Аленький?

Алёна не отвечала, облокотившись на подоконник, она увлеченно ловила перстнем лучи солнца и, судя по дрожанию ее ресниц, он догадался, какие чувства пробуждают в ней новые комбинаций граней. На секунду в нем шевельнулось что-то вроде ревности, но он, тут же, устыдился сам, как можно ревновать девочку к неодушевленному предмету.

И в то же время, капелька досады присутствовала, он уже не раз замечал, как ее взгляд, обращенный к бриллианту, полный восторга и каких-то таинственных чувств, медленно гас и менялся, если ее что-то отвлекало от него.

Что-то, это был он, Роберт, со своими просьбами.

— Боюсь, вдруг забракуют, тогда что? — очнулась она, наконец, и взглянула на него чуть пьяными глазами.

Роберт ушел, и они остались наедине, она и ее камень.

Она играла с ним, забыв обо всем на свете. Без конца освежала под струей воды, любуясь, ласково промокала салфеткой, снова и снова, опускала в воду, и бриллиант вдруг пальнул, из какого-то своего потайного отсека, неожиданно и страстно. Сердце ее ухнуло вниз и восторженно заныло далеко внутри, под животом...

Время шло, а она все ловила, и ловила эти будоражащие вспышки, дыхание ее учащалось, к щекам прилиwała кровь, глаза темнели, и разноцветные лучики гасли в них, как в омутах.

Опомнилась она, лишь случайно взглянув на часы.

Вот-вот вернется Роберт и застанет ее врасплох, покрасневшую, взволнованную, с прилипшей ко лбу челкой, и полубезумным взглядом.

Алёна поспешно сняла перстень и, убирая его в бархатную коробочку, подумала, пару дней потерпим, да? Лучший друг девушек...

А через пару дней они с Робертом и расстались на целых шесть месяцев.

Оставшись одна, она проплакала весь вечер, в полной темноте, свернувшись калачиком на диване, и специально не зажигая света, так лучше грустилось. Потом уснула.

Проснулась от резкого телефонного звонка, Роберт целовал ее в трубку, так что щекотало в ухе:

— Ты меня жди, — кричал он, — жди!

— Конечно, куда я денусь, — отвечала она, как всегда удивляясь этому его беспокойству.

— Ждать будешь, ждать будешь? — тревожно заглядывая ей в глаза, спрашивал он с самого первого дня знакомства. Она не понимала, как может быть иначе, а он объяснял, что это для моряка главный вопрос.

Звонок оживил ее, она нажала на пульт и включила телевизор.

На экране неторопливо философствовали два неказистых мужичка.

— Ведь мы чувствуем тоску при мысли, что Вселенная бесконечна? — пылливо вопрошал лысенький рыженьког, — а почему? А потому, что нашему разуму не хватает объема, не уместается в нем Вселенная.

Он поднял указательный палец и многозначительно уставился на собеседника, возникла долгая пауза, собеседник переваривал мысль или подыскивал возражение.

«О, боже— подумала Аля, слезая с дивана, — тоже мне...»

Они были некрасивые, а все некрасивое она не достаивала своим вниманием.

Она вышла на балкон, и снова грусть овладела ею. — Шесть месяцев! — обиженно вздохнула она, впервые ясно осознав длину разлуки, — умереть можно!

Она подняла глаза и долго всматривалась в глубину звездного неба, внушая себе при этом,

— «Вселенная бесконечна, вселенная бесконечна...», и вдруг почувствовала, как черная бескрайняя бездна, словно засасывая ее, властно сдавливает грудь, Аля, в испуге перехватила воздух и бегом вернулась в комнату, с каким-то новым чувством, сходным плохому предчувствию.

— Да-а, — подумала она сердито, — выходит, не врут, лысенкий с рыженьким.

Спустя три месяца, она сдала сессию и однажды, гуляя по городу, без всякой надобности завершила в ювелирный магазин.

Едва переступив порог, то ли от лунной подсветки, благородно подчеркивающей богатство закровов, то ли от приятной прохлады и настоженной пустоты помещения, в котором, кроме скучающего у двери охранника и двух, воркующих вполголоса девушек— продавщиц, никого не было, Алёна испытала удовольствие.

Заметив ее, к ней сразу подошла одна из продавщиц и, по долгу службы, спросила:— «Вам чем-нибудь помочь?»

Она прекрасно знала, что помогать не придется, просто не любила зевак.

Посетительница была не только бесполезная, но еще и красивая и продавщица, не дождавшись ответа, утомленно перевела взгляд на потолок и легонько постучала пальчиками по витрине. Пальчики были в золоте. Колечки, тоненькие, с камушками и без, их было по два почти на каждом пальце, а шею и запястья в немыслимом количестве обвивали золотые цепочки разного плетения и длины.

— Так что-нибудь подсказать? — после заведомой паузы, продолжила ритуал продавщица и, поймав Алин восхищенный взгляд, самодовольно улыбнулась.

— Спасибо, в другой раз, — сухо ответила Алёна и демонстративным жестом поправила локоны.

Девушка заметно сникла, ведь она работала с драгоценностями и сходу могла оценить изделие, а таких бриллиантов в их магазине даже не было, это уже другой уровень. Алёна смерила ее мстительным взглядом и победоносно вышла из магазина.

Поначалу это ее развлекло.

— Хорошо, что я надела перстень, и что странно, но раньше я не была такой...уверенной, — не сразу подобрав нужное слово, думала она, но мысли ее невольно возвращались туда, в тот прохладный магазин, где на черном бархате, обласканные подсветкой, россыпью млеют драгоценности.

А что ей стоит поработать продавщицей ювелирного магазина, все чаще и чаще, возникали мысли. Может это ее стихия.

И на душе будет комфортно. Постепенно она тоже украсит себя цепочками и колечками, и главное, смо-

жет там находиться целыми днями и наслаждаться окружением.

Оказалось, что устроиться на работу в ювелирный магазин, было совсем несложно. Зарплаты маленькие, время отпускное, вакансии чуть ли не в каждом втором магазине, так что, оценив привлекательную внешность соискательницы и неполное высшее образование, ее определили в центр города, с небольшим испытательным сроком.

Она скрыла это от Роберта, хоть и не сомневалась, что ее лепта в семейном бюджете только пригодится, но не по телефону же объяснять...

График работы устраивал, требовалось от нее немного, главное, это быть приветливой с покупателями. Не забывать здороваться с ними, едва они переступят порог, что казалось ей слишком, но таковы требования и, «язык не отвалится».

У нее были кое-какие деньги, что-то оставил Роберт, что-то посылали родители, так что она практически сразу приобрела всю экипировку.

Украшения, как бы ненароком, присутствовали на ее нежных тонких пальчиках, вызывая восхищение у потенциальных покупательниц, что, собственно, тоже являлось стимулом торговли.

Однажды, уже под конец смены, в магазине появилась загадочная старушка в дореволюционной соломенной шляпке с выцветшими фиалками, но в современном костюмчике из русского льна, причем не дешевого. Она сразу определила цель своего визита:

— Барышня, соблаговолите показать мне мужские золотые часы.

Голос у нее был тихий, дрожащий и в такт голосу так же мелко тряслась голова на худенькой морщинистой шее, причем щеки были гладкие и румяные.

— Самый настоящий «божий одуванчик», — подумала Алёна и, вдруг, ее словно обожгло, — под шляпкой, среди седых кудряшек, бил пульсом огромный бриллиант.

Несколько секунд, как замороженный кролик, Алёна смотрела на него, не слушая старушку, потом, обеспокоенным взглядом обнаружила вторую сережку, как будто боялась, что ее нет и, спохватившись, засуетилась, чего за ней раньше никогда не водилось.

Часы старушке не глянулись:— Нет, деточка, это женские, а мне нужны мужские.

— Это мужские, мужские..., — торопливо успокоила ее Аля.

— Какие же они мужские, они плоские и квадратные, а я хочу круглые и толстые, настоящие мужские часы. Золотые. Вот же они, — она сердито ткнула пальцем в витрину.

— Пожалуйста, — подавая часы, улыбнулась Аля, — просто те более модные.

— Более модные? — с подозрением переспросила старушка и, взвесив их на ладони, вернула Алёне. Что ее не устроило, то ли цена, то ли вес часов, но она сняла очки и обиженно потопала к выходу. Аля, провожая ее взглядом, почувствовала досаду, в чем-то она оплошала, в чем-то прошляпила. И не только это. Она лихорадочно подыскивала причину не упускать покупательницу, но та, вместо дверей, бесшумно наткнулась на зеркало и сползла на пол.

К ней кинулся охранник, за ним и Аля выбежала из-за прилавка, старушка не проронив ни звука, непонимающе хлопала глазками и по ее румяным щечкам ручейком потекли слезы.

— Шляпу, шляпу, — взволнованно дребезжала она, накрывая ладонями макушку.

— Вот, шляпа, вот, — стараясь услужить, охранник попробовал надеть на нее шляпку, но старушка, не отнимая одну ладонь от темечка, сердито выхватила ее, повернулась было к зеркалу, но вспомнив нанесенную им обиду, отвернулась и, нахлобучив шляпу на голову, закрутилась на месте, ища выход.

— Давайте, мы вас проводим, — заглядывая под шляпку, услужливо предложила перепуганная Алёна.

— Нет, нет, не надо, дойду— отмахнулась старушка и вышла из магазина.

Жаль, — бросив прощальный взгляд на серьги, не к месту подумала Аля, не догадываясь, что через полчаса судьба сведет ее с ними и навсегда изменит ее существование.

Она закончила смену и пошла к автобусу. На остановке, за стеклянными стенками, как рыбка в аквариуме, понуро сидела та самая старушка «божий одуванчик».

Первым порывом было подойти к ней, но какая — то косвенная вина не позволила ей это сделать, и Аля решила понаблюдать со стороны за «божьим одуванчиком», хотя бы помочь ей сесть в автобус, и вообще...

Но автобусы отходили, народ на остановке менялся, а старушка все не уезжала, и тогда Аля под села к ней.

— Добрый вечер, — сказала она, сомневаясь, что старушка вообще ее узнает, — я из ювелирного, продавец. Хотите, я с вами проеду, доведу вас до дома.

— Что ты, деточка, — узнав ее, обрадовалась старушка, — мне ехать никуда не надо, я живу в этом же доме, над вашим магазином, просто присела подышать, голова что-то кружится.

— Ну, так, тем более, давайте доведу вас.

— Пожалуй, если это вам будет не в тягость.

— Какая тягость, — внутренне затрепетала Аля, — не переживайте, мне спешить некуда.

— Некуда? — переспросила старушка и доверчиво подала руку.

Они пошли, неторопливо, мелкими шажками, завернули за угол и оказались в прохладном дворе, куда не попадало солнце и где сразу легче дышалось. Вошли в парадную, с широкой лестницей, разрушенной лепниной на высоких сводах потолка, и вызвали лифт. Лифт был громкий, решетчатый и напоминал тюремную камеру. Он поднял их на пятый, последний этаж, там старушка долго шарила в сумке, ища ключи, и за это время Алёне вполне можно было распрощаться, но ей это не пришло даже в голову, может быть не пришло и старушке и, отперев дверь, она радушно предложила войти.

Алёна вошла. Квартира, как она и ожидала, была особенная, так же как и запах, сопровождавший их с первых шагов в парадной.

На стенах в прихожей, висели массивные бра из малахита, а в центре величаво возвышался дубовый шкаф с инкрустацией. Из прихожей, в недра жилища, торжественно влекла красная ковровая

дорожка со строгими бежевыми полосами. В самой комнате держался загадочный полумрак, так как окна выходили во двор, который не прогревался солнцем, поэтому приятная прохлада была и в комнате. В углу стоял рояль. Рояль вызвал у Алёны тот же вопрос, который она утрамбовывала в себе при первом взгляде на серьги, — «зачем ей?».

К тому же она видела, как плохо сгибались пальцы старушки, когда она отмыкала дверь.

Несмотря на чуть слышный запах затхлости, нагромождения вещей не было и вся мебелировка и убранство квартиры говорили о хорошем вкусе хозяйки и установленном образе жизни.

Почему Алёна оставалась еще здесь и почему старушка предложила пройти и выпить по чашечке чая, ответа ни у той, ни у другой не было, потому, как не возникало вопроса.

Хозяйка, в своем гнезде, заметно оживилась, почувствовав поддержку родных стен, повеселела и, видимо, радуясь неожиданному приятному обществу, торопливо потопала по длинному коридору на кухню. А вернувшись, сообщила, что вызвала, все же, неотложку.

— И правильно, Софья Константиновна, — похвалила Алёна, так как они уже познакомились, — а вдруг сотрясение мозга. Пусть проверят.

Они сели пить чай из белоснежных чашечек костяного фарфора, похожих на распустившийся бутон на ножке.

— Это кузнецовский фарфор, — с гордостью дoloжила Софья Константиновна, — а вы, Алечка, любите хорошую посуду?»

— Я все хорошее люблю, — засмеялась Алёна.

— Ну да, с вашей внешностью надо знать цену и себе и вещам, которые вас окружают. Не дешевить.

— Может быть, не продешевить? — многозначительно улыбнулась Алёна, наблюдая, как изящно старушка подносит чашечку к своему сморщенному роту, и так же изящно старается ее поучать:

— Нет, что вы, я имею в виду другое, не дешевить, это значит держать марку, не опускаться до мелочей, не растрачивать себя по пустякам и понимать в вещах. В вещах, — пояснила она и дотронулась до бронзовых часов с трубадурами.

Алёна послушно кивнула, бросила взгляд на часы и вспомнила про время.

Ну да, пора было и честь знать. Сейчас она встанет и уйдет, может быть навсегда. И другого случая не представится. Никогда. При этом сердце ее бешено заколотилось, оно и так билось неровно с самой первой минуты в этом доме, проталкивая какую-то мысль, которую уже не хотелось отогнать, как это было вначале, но и осознать — невмочь.

Что-то похожее на досаду давило изнутри до одышки, зачем, в самом деле, она застряла в этом логове, среди этих гнетущих вещей? Сидит за этим круглым столом, с толстенными ножками-бревнами, тупо смотрит на эти часы, водруженные на резную этажерку, из которой бабка, вздыхая и кряхтя, уже изымает альбом с пожелтевшими фотографиями. При взгляде на ее колючую спину, Алёну передернуло, как от озноба, а по рукам и ногам пробежала судорога. Ненавистная старуха, стоя на четвереньках, с прерывистыми бормотаниями, вещала свои заклинания и рылась в затхлом альбоме,

издевательски размахивая вытянутыми мочками, на которых болтались ненужные ей серьги. И тогда, от Алёны плавно отделился фантом, она его наблюдала, это фантом, (не она сама), подошел к этажерке и столкнул бронзовые часы на лысое темечко, которое, эта старая карга, так тщательно прикрывала своими ручонками в магазине.

Старушка уткнулась лбом в паркет и замерла, фантом наклонился, приложил палец к виску, снял серьги, и все. Больше со стороны она себя не видела. Серьги были у нее, в ее кулаке, сжато крепко накрепко. Она сунула их в карман, достала носовой платок, тщательно протерла часы, убрала одну чашечку в буфет, перешагнула через выпавшую из альбома фотографию, подошла к дверям и, сбросив массивный железный крюк, со странным чувством невесомости, сбежала вниз по гулкой лестнице.

У подъезда припарковывалась скорая помощь.

«Как все вовремя», — мысленно съязвила Алёна, завернула за угол дома и пошла, сотрясаясь мелким неслышным грудным смехом.

Ничего не было для нее важнее сейчас, как увидеть на себе эти серьги, и только, что переступив порог дома, она бросилась к трюмо, сняла свои сережки, дрожащими от нетерпения руками, вдела, тоже теперь свои, как она успела подумать, и, спохватившись, кинулась за перстнем. — где же ты, где, — шептала она, второпях дергая ящички бюро и, уже на ходу, надевая перстень, снова подскочила к трюмо.

И только увидев себя в полном великолепии, почувствовала, как спадает напряжение, державшееся в ней с минуты появления в магазине «божьего одуванчика». Но что-то мешало наслаждению,

какой-то звук или запах, что-то лишнее. Она постаралась сосредоточиться. Это был шум воды из ванной. Алёна вздрогнула и побежала, было, в ванную, но вдруг перед ней, как из-под земли, появился Роберт. Благоухающий шампунем, высокий, стройный, неотразимый, с переброшенным через плечо белым полотенцем, напоминающий собой римского сенатора, стоял перед ней... — **Роберт!**

Она взвизгнула и отшатнулась, а он со смехом поймал ее в охапку и, целуя, потащил на диван, но она вырвалась, со злостью и шипением, как одичавшая кошка и, беспорядочно размахивая руками, убежала на кухню. Роберт, ошарашенный ее реакцией, испугался сам и, боясь сделать лишний шаг, издали оправдывался дрожащим голосом:

— Прости, Аленький, хотел сюрпризом... По поломке пришли, всего на сутки вырвался. Прилетел между вахтами...

— Ты прости, — настороженно выглядывая из-за угла и, не понимая, почему он тут и почему именно сейчас, попросила Алёна, — так неожиданно..., я просто испугалась.

— Да я ж и звонил, так у тебя телефон отключен. Думал, сполоснусь пока с дороги. Иди ко мне.

Он усадил ее на колени и, уговаривая, тихо раскачивал, как ребенка, ласкал кудри, покрывал нежными поцелуями лицо, шею, ушки и вдруг стал медленно отстраняться. Алёна тоже напряглась, предусмотрительно освобождаясь от его объятий. Они смотрели друг на друга, как окаменевшие, каждый в своих домыслах.

— Что это? — после длинной паузы, хрипло спросил он и встряхнул Алёну, как мешок, — откуда это у тебя?

— Да что? — отшатнулась она и спрыгнула с колен — это что ли? — она небрежно щелкнула по сережке, — купила!

— Купила? Где?

— Господи, да бижутерия...

— Бижутерия?! — выдохнул он, меняясь в лице,
— А ну, дай сюда.

Она отрицательно покачала головой и шагнула назад. Ей было ясно, что это приступ ревности и не более, и сейчас пройдет. Только надо найти слова.

Но он вдруг кинулся к телефону, набрал номер, услышав что-то, побелел как снег и перевел взгляд на Алёну. И это уже был не импозантный мачо с медальным профилем, а наивный морячок с той самой фотографии, через которую она час назад с таким равнодушием перешагнула.

— Сонечку убили... — словно пожаловался ей Роберт и растерянно моргая, съехал в кресло.

Алёне было никак. Объем событий и совпадений смешивался в неправдоподобный замес, не поддающийся ей, как психологу, в расклад по действиям. Она столбом стояла на месте и смотрела на него пасмурным взглядом.

— Это... ее серьги... — он больше уличал, чем спрашивал, с жадной надеждой всматриваясь в ее лицо. Она молчала, и своим молчанием зачеркивала надежду. Ей был понятен лишь смысл его слов, но осознания не было, поэтому она просто выразила только то, что возмущало ее весь день:

— Зачем ей?

Роберт медленно поднялся с кресла, пошатываясь, приблизился к ней вплотную и долго, внимательно, и даже с любопытством, разглядывал ее лицо.

Алёна улыбнулась. Он стал смешной и маленький, все уменьшался, уменьшался, стремительно удаляясь от нее вглубь комнаты, и оттуда потянулась его рука, тонкая и длинная-длинная, с большой загребущей пятерней, она маячила под ее носом и шевелила противными грубыми щупальцами, как спрут. Тогда Алёна сняла серьги и вложила их в утробу спрута, и он заглотил их. И она плюнула в него. А Роберт сразу вырос, и исчез.

Она стояла одна посреди комнаты, под яркой жаровней — люстрой и мучилась приступами морской болезни. Волнами накатывали запахи, которые еще держала ее одежда, и там, внутри этих запахов, было что-то очень важное, неуловимое, оно пугало, дразнило и исчезало так же мгновенно, как фонтанчике в ее алмазе.

Алёна напряглась так сильно, что стала терять опору. Оказалось, — это красная ковровая дорожка взбесилась и повела в сторону, это она дергалась под ногами, увлекая за собой всех: Алёну, рояль, этажерку, малахитовые бра. Все, все снова во в каком-то шабаше, заслоняя от Алёны самое главное. И вдруг, с грохотом сорвался с двери железный крюк-засов и, угрожающе звякая, полетел, целясь ей прямо в голову. Защищаясь, она подняла руки, и мгновенно из перстня ей в глаза брызнул золотой сноп и, оседая, скрутился в золотой шарик, гладенький, почти осязаемый. Тут она его и сцапала.

Это была ручка буфета, которую тоже надо было протереть платочком...

Зато она сцапала, она успела! Они бы не успели, лысенький с рыженьким, а она, вот какая ловкая, успела! И уже не давит изнутри. И все хорошо.

Она вдруг сильно обрадовалась и рассмеялась заливисто и свободно, и с тех пор, уже грустной ее никто и никогда не видел.

Наверно ее разуму не хватило объема, а может быть чего-то еще.

Роберта осудили на восемь лет за убийство родственницы в корыстных целях. Участковый опознал серьги, изъятые у него при досмотре, опознали и понятые соседи. Время его внезапного появления в городе совпадало со временем совершения преступления.

Вину свою он не отрицал, узнав о показаниях бригады скорой помощи, которая очень живописно составляла фоторобот девушки, вышедшей из подъезда.

Других версий следствие не рассматривало.

ДЕНЬ БОМЖА. ВЗЯТЬ В КАВЫЧКИ

У Виктора Семеновича вторую неделю продолжался странный, несвойственный ему период в жизни; его скрутила скука, он бы назвал это жестче — сумрак. Осточертело все, а главное— работа, а что может быть хуже, если работа для него это и есть главное. Еще совсем недавно, даже для сна времени было жалко, интерес был, желание создать, только дело, только бизнес, выше, больше, хоть трава не расти. Такой водоворот, что оглянуться некогда.

Жена ушла, ну и молодец, не стала мучить ни себя, ни его. Ей всего хватало, не хватало одного — внимания. Поначалу, ей все, заменяли деньги, комфорт, наряды. Но это, оказывается, быстро приедается и, получается, что самое главное — внимание к человеку, а он его дать не успевал, на потом откладывал. Да и то сказать, день первого свидания — помни, день новоселья— помни, «эти милые штрижки», как она называла, а зачем их помнить, и когда вообще это помнить, если в то время у него был павильон у вокзала, а он при нем и директор, и водитель, и грузчик. Потом открылся первый ресторан, потом второй...

Она всячески старалась приукрасить его трудовые будни, готовила сюрпризы, ужины при свечах, но интимные семейные вечера срывались,

по причине его отсутствия, он, как правило «забывал», но вину-то искупал. Цветами, подарками. Первое время это действовало, потом цветы валялись под ногами, а подарки оставались нетронутыми, потому что от «сосредоточенного мопса», они ей не нужны.

Пять лет назад, она сказала, что лучше жить одной, чем с «пофигистом», а он подумал и согласился. Во-первых, она была права на все сто, а во-вторых, «пофигистов» он сам ненавидел.

Зато теперь, под настроение, он покупал розы, большой букет, что-нибудь выпить и навещал ее, но как всегда, не принаравливаясь к датам, а просто так, повидаться. Она не отказывалась от встреч, но сама инициативу никогда не проявляла, видимо глубоко сидел страх напрасного ожидания. Всегда была спокойна, к розам равнодушна, считала их джентльменским набором, но между делом замечала, что они были бы более кстати недели три назад, в ее день рождения, например....

Виктор Семенович продолжал понуро сидеть в своем офисе, и ковырять стол. Было начало первого. Останусь, подумал он, выплюсь здесь и, тут же спохватился, а вот выспаться и не придется, бессонница у него, вот до чего дожил в свои сорок восемь.

— «Шо-то» надо делать, — пытаюсь приободрить себя шуткой, пробормотал он, — а что?

Он вдруг вспомнил, как недавно приятель по бизнесу с восторгом рассказывал про услугу под названием «День бомжа». Милостыню он с «ребятами» просил у вокзала, собрал больше остальных и радовался, как ребенок. И повторить собирается, даже с собой за компанию звал.

— Нет, не для меня это, — отрекся тогда от предложения Виктор, — нищие богатым подают, совестно мне.

— Так отблагодаришь потом, останутся довольны.

— Кто?

— Как кто? Те, чье прикормленное место займешь на день. Я ж тебе говорю, все по правде будет, оденут в вонючее, морду заgrimируют, под ногти грязи напихают. У них служба поставлена, будь здоров, охрана тоже под бомжей наряжена.

— К чему охрана-то нищему?

— Да чтоб пинков не получить, вот к чему, — рассмеялся Игорь, поражаясь его наивности.

— Это ты называешь, все по правде? Не-ет, это не по правде. Вот, если бы ты сам полгода пинки получал, место прикармливал, а потом собрал больше всех, было бы по правде. Это я считаю, результат.

А так, ни уму, ни сердцу, лучше на Новый год зайчиком нарядиться.

— Так, пожалуйста, у них разные варианты есть. Знаешь, какой выброс адреналина! О-хо-хо.

Виктор Семенович тогда только отмахнулся, а сейчас всплыло.

Позвонить, что ли, — подумал он с какой-то надеждой, — людей то выручает этот маскарад, вот и Игорь был доволен.

Он тут же набрал номер Игоря, это была его черта, деловая хватка, ничего не откладывать в долгий ящик, а с тем, удобно или неудобно звонить в ночное время, он не считался, он давно жил по суткам.

И Игоря не удивил поздний звонок, он тоже жил по суткам.

Без всяких предисловий, Виктор Семенович спросил телефон массовика-затейника.

— Айн момент, только визитку найду, — без лишних вопросов ответил Игорь и через минуту продиктовал номер телефона.

— Спасибо, — не желая задерживаться на теме, поблагодарил Виктор Семенович, — Думаю, что завтра с ним свяжусь.

— А чего завтра, звони сейчас, а то утром, как пить дать, передумаешь.

Виктор Семенович призадумался, это да, передумает запросто, но как — то уж больно резко все... Да черт-то с ним, — решил он, — позвоню сейчас, просто договорюсь о встрече.

Ему ответил мужской голос, мягкий, предупредительный, так что собственно ничего, и объяснять-то не пришлось. — Ну так, что, я сейчас подъеду? — сразу беря быка за рога, предложил мужчина.

— Даже так, — удивился Виктор, с внутренним страхом понимая, что колесо набирает обороты и не лучше ли отказаться, пока не поздно.

Но не тут-то было. — Диктуйте адрес, — энергично произнес мужчина, подразумевая, «хрен я тебя теперь упущу».

И через сорок минут перед ним сидел менеджер фирмы с красноречиво-шутливым названием «Шиворот-навыворот». Средних лет человек, шустрый, с тоненькими усиками, смышленными глазками и, как, возможно, и положено при такой деятельности, излишне угодливый.

Виктор Семенович наблюдал ночного визитера с грустью на лице, и тот, подстегнутый его неуверенностью, еще старательней убеждал, уверял, тасовал варианты и, в конце концов, зацепил.

Бомжевать Виктор наотрез отказался сразу, а вот перспектива стать на день таксистом, очень

даже приглянулась. Представив себя за рулем, в шоферской фуражке, он вдруг почувствовал волнение, какой-то экскурс в молодость, и где-то внутри даже пощипало.

— Все будет под прикрытием, не волнуйтесь, с кем надо, договоримся, — убаюкивал гость, — Ладожский вокзал вас устроит?

Виктор Семенович обреченно кивнул.

— Так-так-так. Клиента сами искать желаете или «зазывала» приведет.

— Пусть «зазывала». — Виктор Семенович вдруг испугался, что его кто-то узнает на вокзале.

— Ну что ж, это я буду, лично. Да, вас сначала переоденут...

— Во что, — вздрогнул Виктор Семенович, вспомнив ужасные подробности преобразования Игоря в бомжа.

— В чистое, в чистое, — захихикал менеджер, — но соответствующее профессии. Значит, курточка кожаная, потертая и кепочка. Брючки и обувь свои можете надеть, попроще, ну и руки обработаем, уж не обессудьте. Вы будете стоять у машины, а клиента я вам подведу. Женщину, мужчину?

— Без разницы, — вяло махнул рукой Виктор Семенович.

— Что ж, договорились, по обязанностям на месте проинструктируем. Как вещи в багажник закинуть, как посадить и т.д. Сами понимаете. Ни о чем не беспокойтесь, мы будем следовать в непосредственной близости.

— Не надо следовать. У меня своя охрана.

— Нет уж, нет уж, так положено. А если хотите свою охрану, ради Бога, пусть будет. Он раскрыл папку, с тиснением «День бомжа» и достал договор.

— Почему «День бомжа»? Я ведь предупредил, — заметил, закипая Виктор Семенович.

— Это только, кодовое, название, — доверительным шепотом, почти по слогам, пояснил менеджер, — вы же видите, здесь кавычки.— Так, что, до завтра, или уже до сегодня, хи-хи-хи.

— Как, до сегодня, вы, что же хотите, чтобы вот так сразу...

— Сразу, сразу. Я по вашему настроению вижу, это вам просто необходимо. И не надо затягивать, я ведь психолог по образованию, кое-что понимаю. Это был аргумент. И Виктор Семенович махнул рукой, почувствовав вдруг усталость и непреодолимое желание остаться одному, и эта тяга к одиночеству, его как раз и беспокоила больше всего в последнее время.

Он вызвал машину и поехал домой, засыпая по дороге, вопреки бессоннице. Уже действовало.

В семнадцать ноль-ноль, он скромно стоял рядом с такси на Ладожском вокзале, стараясь избегать встречных взглядов с конкурентами, понимая, что для настоящих «бомбил» его эксперимент выглядит «цацкой».

Самоощущение, помимо неловкости, было непонятное, словно он попал на другую планету и они все вокруг— свои, а он для них инопланетянин. Чужой.

И драйва, который обещал Игорь, от этого не было, а только нервное возбуждение. Может быть, для таких вылазок нужна компания, партнеры? А он со своей самостоятельностью трется о машину и курит одну за другой, бросая косые взгляды на свой, затаившийся в сторонке «лексус».

Объявили прибытие поезда и со всех щелей вокзала полезли прибывшие, обвешанные чемода-

нами и сумками. Вдруг от этой толпы отделились его менеджер и высокая блондинка, и пошли прямо на него. Блондинка одной рукой тянула дорожную сумку на колесиках, а другой все время ловила размотанный шарф леопардовой расцветки.

Виктор с ужасом понял, что это его пассажирка, бросил сигарету, засуетился, и, проклиная свою затею, шмыгнул в машину, но вспомнив инструктаж, хлопнул себя по лбу и выскочил обратно.

Пассажирка, оставив сумку у багажника, молча, прошла мимо него и села на первое сиденье. Виктор захлопнул багажник, натянул кепку до носа и, солидарно переглянувшись с работодателем, юркнул на свое место.

— В Купчино, — так и не взглянув на него, коротко бросила пассажирка и спустила со лба на нос черные очки.

Виктор Семенович не трогался с места.

— Начинается, — пассажирка раздраженно кинула ногу на ногу, — я предупредила этого, вашего...

Виктор Семенович медленно повернулся к ней лицом. Ну да, это была она, Светка Соловьева. Та самая «пофигистка», которая экспериментировала над ним, начиная с третьего курса и почти до самого окончания института. И получала при этом такой адреналин, который и не снился «липовым бомжам».

— Витёк! — изумленно воскликнула она, — ничего себе встреча! Ой, а я с дороги, не выспалась, — она кокетливо закрыла лицо руками, потом кинулась за зеркальцем и порывисто взъерошила волосы.

— Привет, — скрывая внутреннее волнение, улыбнулся он, — тебе идет белый цвет и вообще, ты ни капельки не изменилась.

— Спасибо, — передохнула Светка и опустила глаза, — Так везешь?

— Конечно, конечно, просто растерялся немного.

— Ну да, неожиданно.... Сколько мы не виделись-то?

— Много.

Они не виделись двадцать с лишним лет, но, сколько точно, он сейчас не в силах был подсчитать, его все еще будоражило.

Светка, по всему было видно, уже «отошла» и, окинув его пытливым взглядом, спросила:— Это твое призвание, или бомбишь?

— Работаю.

— М-м-м, — она многозначительно помолчала и, вздохнув, добавила, — впрочем, ничего удивительного.

Ей неудивительно, что он, лучший на курсе экономического факультета, тянувший ее на всех сессиях, крутит баранку с утра до вечера, зарабатывая на хлеб насущный. Он понял, ей неудивительно, потому что это именно он.

И раньше она воспринимала его, ошалевшего от любви, с какой-то игривой обреченностью. То подпускала близко, будоража воображение, то совсем никак, есть и есть, короче, «по фиг».

То он млея мечтаниями и сочинял сонеты, то паниковал и собирался свести счеты с жизнью.

Из-за нее тот чудесный период жизни переплела черная лента, напрочь лишив его «ностальгии» по годам студенчества.

Влюбиться в нее его угораздило на третьем курсе.

Однажды, на вечеринке, он заметил, как Светка танцевала, легко, спортивно, как будто крутила хула-хуп, так летала ее талия. При этом она еще

вращалась на каблучке в калейдоскопе светомузыки, и с визгом сама себе аплодировала. Он изловчился и исподтишка померялся с ней ростом. Вроде одинаковые, но у него не было осанки, а у нее и осанка что надо, и шпильки.

Но, тем не менее, с той вечеринки она и вошла в его жизнь. А он проникал всеми способами в ее жизнь.

Однажды, исключительно в силу любознательности, она ему отдалась.

Это было уже на четвертом курсе. Они жили в разных общежитиях, и она сама предложила ему остаться, мотивируя тем, что девочек не будет.

Так он впервые познал женщину. Первая женщина, да еще любимая и желанная! После этой священной ночи, которая, по его понятию, предопределяла резкий поворот в жизни, он уже на утро ощутил себя совсем другим человеком. Даже шаг изменился, стал солидный, мужской, и со встречаемыми мужчинами он гордо обменивался взглядами. На равных.

И, несмотря на сохраняемую изо всех сил, внешнюю солидность, душа его так и рвалась из груди наружу, ликовала и пела и творила с ним, Бог весть что. Да если бы он мог себе позволить, так и подпрыгнул бы вслед за ликующей душой к облакам, так и летел бы огромными затяжными прыжками до самого дома. Но, он — взрослый мужчина, и чуть утомлен.... Господи, и все равно, ну как тут не источать любовь ко всему на свете, если у всех встречаемых женщин ее лицо!

— Ну как? — спросил Лешка, его друг и сосед по койке, едва он переступил порог.

— Что, как?

— Хорошая Светка баба?

Виктора передернуло. Кошунствовать на такую тему!

— Хватит сочинять глупости, — оборвал он Лешку. Ссориться сейчас ему хотелось меньше всего.

— Да, ладно, — засмеялся Лешка, — меня-то лечить не надо. Вон чай еще горячий и, кстати, лимон есть, а то рожка больно довольная.

Витя улыбнулся. Чай это хорошо, и спать.

Но сразу он уснуть себе не дал. Завтра Светику день рождения и он еще чуть-чуть помечтает, прежде чем уснуть. Ведь он уже будет не просто гостем, он будет «ее». И это все заметят. Он уже знал, как войдет, как подарит розы, ведь Светка Соловьева, почти, как в песне — Светка Соколова. Он войдет с этим букетом, и, вручая, споет: Светке Соловьевой, красавице мое-е-й... Все, понятно, рассмеются такой удачной подводке, а они со Светиком хитро переглянутся, потому что только они двое знают, что «моей», это с полным правом.

А потом, все будут танцевать, а они, прижавшись друг к другу, сидеть в сторонке, шушукаться и обмениваться знаками, как рыцари тайного ордена, и кое-кто начнет догадываться....

Сладко защемило сердце, он вздохнул, подумал, что сейчас еще день, и надо оставить часть мечтаний на ночь, и провалился в сон.

Он влетел к ней надушенный, наглаженный, с букетом из пяти розовых роз, купленных за сумасшедшие деньги:

— Розовые розы....

— Так и знала, — забирая букет, холодно сказала Светка и, не дослушав песню, втиснула их в вазу к другим, точно таким же розовым розам.

Он смущенно улыбнулся и, умудрившись чмокнуть ее в щечку, прошептал: — Поздравляю, ... любимая...

Светка строго зыркнула глазами и он осекся, подумал без осуждения, — «Ну да, конспирация».

Потом пришел Лешка, принес маленький букетик фиалок.

— Какая прелесть, — запищала Светка и сразу пристроила их в нагрудный карман голубой блузочки. Слева.

— Обалденно, — закатил глаза Лешка, — кстати, аристократки, украшали себя только живыми цветами.

Светка зарделась, и сама чмокнула Лешку.

Лешке легко было сыпать комплиментами. По его словам, ему были присущи «шалость гусара и вольность дворянства», он и смотрелся, как аристократ, естественно только внешне. Такой родился. Волоокий брюнет со змеиной улыбкой.

Светка весь вечер льнула к Лёхе, веселилась и кокетничала, а Витя, не понимая, что происходит, с кроткой улыбкой жался на другом конце стола. Потом «не хватило» и стали сбрасываться, а когда возник вопрос, кто побежит, Светка сунула ему деньги, и он побежал. На обратном пути, поднимаясь по лестнице, он наткнулся на них, целующихся в засос.

Витя поставил перед ними пакет с бутылками, повернулся и ушел.

Никогда больше, за всю свою жизнь, он не испытывал такого горя.

И страха. Страх оттого, что, оказывается, можно все. Это откровение было на уровне второго горя.

Два горя и отвращение к соседу Лешке, с которым он вынужден жить бок о бок, претили его существованию и на несколько дней вызвали скрытую горячку. То есть, он совершал какие-то физические действия, и вокруг него продолжалось обычное движение, но состояние его было сродни слепцу, когда различимы лишь контуры да слышны голоса.

В молодости жизнь очень разнообразна и периоды счастья со страшной скоростью сменяются сильнейшими трагедиями.

Счастье не осознается и оценивается спустя много времени.

Трагедии трудно переживаются и называются уроками жизни.

Да, это был урок жизни, полезный, но не очень хороший.

Так что, с тех пор, Виктор Семенович, оставаясь в душе добрым и порядочным человеком, уже никогда ничему не восторгался и не восторгал других, навсегда самоустранившись от сюрпризов и «штрижков», позволив себе единственный «бзик» — ненависть к фиалкам.

Соседняя койка была всю ночь пуста. Лешка явился поздно утром, помятый, с кислым запахом перегара, но в хорошем настроении и, не раздеваясь, бухнулся в постель.

— Ничего Светка баба....не врут...— промычал он, еле справляясь с зевотой и отрубился.

Светку Витя выжег из своего сердца каленым железом, нет, верхним лесным пожаром, стихийным, испепеляющим все живое, а как вести себя с Лешкой, не знал. Показать обиду — стыдно, значит унизиться, а как жить с ним в одной комнате, не понимал.

Но Лешка последующие дни практически не появлялся. Обитал у Светки. Правда, его чувств, хватало лишь недели на две.

И только тогда Витя спросил его: — Стоило тебе из-за нескольких дней, плевать мне в душу? Ведь мы были друзьями.

— Лоханулся, согласен, — это Лешка так извинялся, — ну сейчас-то она свободна, кто тебе мешает.

У Вити глаза полезли на лоб.

А вскоре Светка вышла замуж за выпускника военного училища и укатила с ним по месту его распределения.

Виктор Семенович, за несколько минут пути понял, что внезапное появление Светки, вызвало в нем лишь чистое удивление, и только.

— Ты, наверное, уже генеральша, — нарушил он молчание.

— Да, прям, — не сразу ответила Светка, листая в уме свою версию событий.— Представляешь, угнал меня на остров за Полярным кругом. Там четыре дома, мох и скалы. Я через год сбежала. Со вторым тоже не сложилось.... Но! Есть человек...., — она взмахнула перстом и улыбнулась, — так, что ты не думай....

— Я не думаю. Ты у нас красавица. Мужики же не дураки.

— Ой, да я не выпалась и вообще, с дороги. Она снова достала зеркальце и придирчиво себя осмотрела:— С этими командировками.... Я ж главбух, вот в регионы мотаюсь. Все самой, все самой...

Виктор повернул к ней голову, и они встретились взглядом.

Глаза со временем могут потускнеть или вылинять, может измениться взор, как меняется утро с

переходом в день, хорошо, если солнечный, но донышко ока останется прежним, присущим только самому обладателю.

У него екнуло. Он отвел глаза и сосредоточился на этом.

Э-э, да у него «ностальгия», вот те на!

И, на выжженной лесным пожаром почве, давным-давно нет ни рвов, ни трещин, наоборот, она родная и теплая, а он — зацикленный, сосредоточенный мопс, наложил табу забвения на студенческие годы. Он снова посмотрел на нее долгим ласковым взглядом.

Светка расценила этот взгляд по своему, и увеличила дистанцию, отстраненно уставившись в окно. Пауза затянулась, и ей, из приличия, пришлось спросить:— Ты— то как? Жена? Дети?

— Детей нет, а жена сбежала.

— Да-а, не везет нашим мальчикам, ты помнишь этого, — она пощелкала пальцами, притворяясь, что забыла имя, — еще с тобой жил, черт, как его, а, Лешка.

— Помню и что?

— Тоже ничего хорошего. Пьет по-черному.

Виктор пожал плечами. Спившийся Лешка, и он за баранкой, стояли у нее на одной доске. Он достал сигареты и закурил.

— А сигаретки-то куришь не дешевые, — заметила Светка.

Виктор быстро закинул пачку в бардачок:— Это так, это клиент один оставил.

— Во-во... Ты, я слышала, после института в Афган попал?

— Да, было.

— Ну, тебя хоть жильем обеспечили?

— Была квартира, разменялся при разводе, так что в коммуналке обитаю.

— Ужас, — возмутилась Светка, — на что ж ты живешь?

— На зарплату, — рассмеялся Виктор, — мне хватает.

— На что тебе хватает? — с грустной иронией вздохнула Светка и панибратски ткнула его кулаком в плечо, — на шаверму? Вот на что должно хватать, — она показала в окно на ресторан «Горный ручей», — ведь, и не знаешь даже, как в таких заведениях дверь открывается.

«Горный ручей» был его ресторан, он инстинктивно притормозил, и тут же мелькнула заманчивая мысль разоблачиться.

Взять да и пригласить Светку пообедать. Это могло быть интересно.

Он представил, как она начнет подтрунивать насчет несоответствия «фэйс контролю», его, разумеется, и какие у нее потом будут глаза, когда персонал вытянется перед ним во фронт. Но ему — то это, что даст? Протащится пять минут и все, а завтра что? И потом, он вдруг почувствовал вкус к новой роли. Роли волка в овечьей шкуре.

Понял, в этом вся фишка. В этом драйв, не в комичности переодевания, а в демонстрации самому себе воли над судьбой, в возможности кого угодно ввести в ступор мгновенным преображением. И в соревновании с самим собой, вытерпеть, продлить тягучее чувство сладости финала.

— Если хочешь, могу пригласить в ресторан, но не сегодня, сегодня у меня смена поздно заканчивается, — так, по доброте, предложил он.

— Нет, нет, — торопливо отказалась Светка и опять отвернулась в окно.

— Почему? Ты думаешь, у меня нет кубышки, или нарядного костюма?

— Ничего я не думаю, — в ее голосе уже сквозило раздражение, — просто мне не интересно, понимаешь, не ин-те-рес-но сидеть в ресторане с мужчиной и знать, что он халиф на час.

Какой у нее злой язык, отметил про себя Виктор Семенович, впрочем, пусть, он-то знает, кто из них волк, ха-ха-ха....

Даже жалко ее стало, он посмотрел на нее с пристрастием, в первый раз за все время пути осмелелся, все такая же красивая, ну что тут скажешь, одно слово — Светка! Нет, надо чем-нибудь отметить встречу.

— Подожди секунду, я сейчас, — он притормозил и выбежал из такси.

Только что проезжали мимо цветочного павильона, он нырнул в него, так, чтобы она не заметила, и купил пять розовых роз.

Но так как в нем уже гуляла творческая жилка, решил изодраться и подозвал мальчишку, помощника продавщицы.

— Вот тебе сто рублей, а вот машина, в ней сидит девушка, отнеси ей розы, и скажи: — «Вам просили передать». И все, ты свободен.

Мальчишка просиял, победоносно помахал продавщице сторублевкой, видимо это была его мать, и надежно упрятав деньги в карман, побежал выполнять поручение.

Виктор, следя за ним, мысленно развивал свою затею.

— На минуту оставить нельзя! — воскликнет он,

возвратившись, — ну, мужики, сволочи, уже цветами осыпали. Успели!

Улыбаясь, он вышел, было, из своего укрытия, но увидел, что мальчишка тащит букет обратно, с трудом справляясь с неестественно массивными древками цветов.

— Ну, ты чего? — шагнув ему навстречу, спросил Виктор Семенович.

— Там ее нет, — переведя дыхание, махнул рукой мальчишка.

— Как нет? — изменился в лице Виктор Семенович. Неужели опять...? Видимо на его лице было такое нежелание в это верить, что мальчик, по-детски тарашась, скороговоркой добавил:— Честно, честно. Там только тетка старая и все.

Виктор Семенович опешил, сраженный какой-то мыслью, еще не до конца сформированной...

— Дай сюда, — он отнял у мальчика букет и быстро пошел к машине.

Рванув дверцу, он с грустью лицезрел мрачную амбициозную даму, с ореолом взбитой белой пакли на голове, только подчеркивавшей землистый цвет лица и отечность. Словно мальчик, своей детской непосредственностью, сорвал пелену с его глаз.

— На, — сунув ей букет, буркнул он упавшим голосом, — тебе.

Светка ойкнула и уткнулась в цветы, — спасибо, мне давно никто не..., — и спохватилась, — розовые розы никто давно не дарил. У меня ведь другая теперь фамилия... Сверни на Гашека. Ко второму подъезду. Все, приехали. И учти, я тебе фору не дала. Сколько с меня?

Виктор поморщился и остановил машину.

**Конец ознакомительного фрагмента.
Полную версию книги можно купить
на сайте издательства
www.skifiabook.ru**

СОДЕРЖАНИЕ

Роберт	3
День бомжа. Взять в кавычки	23
Камень	43
Балкон	69
Смысл жизни	115
Союз Н.Г.О.	133
Без названия	157
Камыш	209
Баксик	225
Национальные особенности	243
Гульнара	255

Отзывы о книге можно отправлять по адресу:

riabokonnadejda@mail.ru

Надежда Базарова
(Рябоконь Надежда Васильевна)

День бомжа. Взять в кавычки

Оригинал-макет
и дизайн обложки

П. Домбровский

Издательско-Торговый Дом «Скифия»
190000, Санкт-Петербург, ул. Гороховая, 25
(812) 571-68-54
e-mail: skifiabook@mail.ru
www.Piterbooks.ru

Книги: от рукописи до тиража
Изготовление и распространение.
e-mail: skifiabook@mail.ru
www.Skifiabook.ru

Подписано в печать 12.02.11
Формат 84x108¹/₃₂. Объем 17,6 усл. печ. л.
Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «ИТД СКИФИЯ».
190000, Санкт-Петербург, ул. Гороховая, 25